

От расцвета к упадку: недовольство, мобилизация и российский социальный контракт

Не существует ясного ответа на вопрос, как и почему лояльные российские граждане (которые, согласно большинству оценок, составляют более 80% взрослого населения) вдруг оказываются на баррикадах¹. После волны протестов 2011–2012 годов Путин вновь укрепил свою власть и легитимность путем ужесточения курса как во внутренней, так и во внешней политике. Его рейтинг одобрения остается высоким даже при том, что экономика рушится прямо у него под ногами. Для многих экспертов вопрос заключается не в том, почему возникают островки сопротивления и протеста, а в том, почему их не становится больше. На самом деле ответ на оба эти вопроса один и тот же: те же сдвиги в политике, которые способствовали консолидации подавляющего большинства избирателей в поддержку Путина, подготовили почву для изменения характера политики и ее превращения в значительно более конфликтную — и распространяются все шире, на самые разные сферы российской жизни.

Период экономического подъема, который пришелся на первые три срока пребывания Путина у власти, создал ощущение, будто в России существует несколько социальных контрактов: первый из них — с элитами (в центре которого — нефтяные доходы), еще один — с широкими массами населения (который главным образом строился на патерналистском “невмешательстве”) и еще один — с благополучным городским классом (которому предоставлялась возможность для “индивидуальной модернизации”)².

В то время как жизненный уровень населения неуклонно повышался на протяжении почти 15 лет (впервые в постсоветской истории обеспечив определенную стабильность ожиданий), между государством и различными его оппонентами произошел ряд мобилизационных взаимодействий, своего рода “пограничных конфликтов”. В результате обозначились контуры существующих негласных договоренностей — пределы того, как далеко может зайти (или отступить) каждая из сторон, чтобы при этом не произошло серьезного срыва. Таким образом, серия протестов, связанных с государственными льготами и пособиями, а также забастовки рабочих в середине 2000-х, казалось, определили условия взаимодействия между государством и большей частью его граждан. В то же время менее выраженный конфликт с экономической элитой и наиболее мобильными горожанами привел к аналогичному осознанию баланса сил в обществе³.

Конец эпохи экономического процветания дает хорошую возможность пересмотреть общепринятые представления. Если неустойчивости 1990-х предшествовали долгие годы неуклонного институционального упадка, то сегодняшний кризис (а именно спад экономики, который длится уже третий год и за это время привел к резкому снижению ВВП, доходов и потребления) — первый на памяти большей части нынешнего поколения россиян, который пришел на смену длительному периоду стабильных позитивных ожиданий. К экономическим трудностям

прибавился ряд других серьезных факторов, в том числе повышение роли “идеологии”, укрепление иерархической структуры элит, политическое принуждение и международная изоляция.

В период после экономического процветания и после аннексии Крыма первой реакцией населения на то, что прежний социальный контракт перестал действовать, стало возвращение феномена, который в 1990-е годы получил название “инволюции”: ухода из публичного пространства и отказа от универсальных институтов в пользу сравнительно более прочных связей, основанных на межличностных взаимоотношениях⁴. Но как раз тогда, когда ожидания, которые граждане возлагали на государство, и без того уже довольно низкие, снизились еще больше, режим заново обеспечил себе легитимность — теперь она строилась по большей части на эмоциональной основе.

Для основной части населения в большинстве случаев этого оказалось достаточно — они приняли новые установки. Однако в других случаях граждане используют публичную сферу для защиты своих интересов: те, кто сталкивается с серьезными или потенциально необратимыми угрозами в отношении собственного благосостояния и качества жизни, участвуют в протестных акциях, как это всегда и бывало. Но в отличие от предыдущих этапов мобилизации, на этот раз, с окончанием экономического подъема и после Крыма, мобилизация гораздо быстрее приобретает идеологический характер, в первую очередь под воздействием все более жестких и предсказуемых формул, которые звучат в ответах государства.

Одна из целей, которую мы здесь перед собой ставим, — это заглянуть в будущее (неблагодарная, но необходимая задача). Две основные тенденции, а именно: государство, которое все в большей степени старается заручиться лояльностью своих граждан эмоционально и идеологически, и население, которое чувствует все большее отчуждение от государства в материальном плане, — похоже, вряд ли изменятся и со временем могут привести к более масштабному и более острому конфликту. Способность нынешнего ре-

жима справиться с этими вызовами (хотя это уже выходит за рамки обсуждаемой темы), кажется, всерьез не подвергается сомнению. Однако нам представляется, что настоящие изменения в России произойдут не потому, что власть наверху окажется в других руках, а потому, что граждане внизу начнут обрести веру в то, что политическое сообщество может предоставлять общественные блага.

В 2015 году российская экономика сократилась на 3,1%, а в 2016 — еще на 0,2%⁵. Экономика, пострадавшая от санкций вкупе с падением цен на нефть и обвалом рубля, столкнулась со снижением потребления до 10% в годовом исчислении (что на два-три процентных пункта больше, чем падение доходов), да к тому же правительство урезало расходы на социальные нужды⁶.

Подход правительства к нынешнему экономическому кризису претерпел кардинальные изменения по сравнению с предыдущими. Чтобы минимизировать последствия кратковременной рецессии 2008–2009 годов, Кремль активно тратил резервные фонды (и оказывал существенное давление на собственников предприятий), в то время как большая часть бремени в результате нынешнего, более глубокого и более длительного спада экономики, легла на плечи обычных граждан — не только в результате падения доходов и роста цен, но и в форме жесткой экономической политики, что сказалось на образовании, здравоохранении, пенсиях и на зарплатах бюджетников⁷.

Между тем, как отмечалось выше, потребление падает быстрее, чем доходы, поскольку россияне пытаются опередить кризис⁸. Расходование средств переориентировалось со статусных покупок, таких как квартиры и машины — т.е. покупок, отражающих планы и надежды на будущее, — на повседневные нужды; количество ипотечных и автомобильных кредитов сократилось практически вдвое⁹. Тем не менее многие россияне компенсировали это с помощью возросшего объема потребительских займов, даже при том, что банки сделали займы более дорогими¹⁰. Результатом стали все более сложные — а зачастую и жесткие — отношения между кредиторами и заемщиками, в которые государство

предпочло не вмешиваться¹¹. Трения возникли также и между работниками и работодателями — конфликтов такой остроты не приходилось видеть с 1990-х годов, когда повсеместной проблемой в России была невыплата заработной платы¹². В итоге более половины работающих россиян в силу тех или иных причин не могут воспользоваться правами и средствами защиты, которые предусмотрены трудовым, налоговым и пенсионным законодательством¹³. Вместе с тем, хотя 61% россиян убеждены, что сейчас время экономить, а не тратить деньги, только 38% готовы доверить свои сбережения банкам¹⁴. Помимо того, что подобная ситуация оставляет вкладчиков без защиты со стороны российской системы страхования вкладов, она серьезно беспокоит Центробанк, поскольку по мере того, как домохозяйства уходят из формального финансового сектора, сама по себе денежно-кредитная политика рискует оказаться несостоятельной¹⁵.

Безусловно, россияне знают обо всем этом. Левада-центр, российская неправительственная исследовательская организация, которая регулярно проводит опросы общественного мнения, зафиксировал резкое снижение по нескольким ключевым индикаторам, начавшееся в 2014 году. Здесь эти данные представлены как сводные индексы, рассчитанные на основании ответов на вопросы, которые Левада-центр задавал респондентам в ходе регулярных опросов: “индекс положения семьи”, отражающий субъективную оценку экономических перспектив домохозяйства; “индекс положения страны”, отражающий субъективную оценку экономических перспектив общества в целом; и “индекс ожиданий”, отражающий настроения людей относительно будущего. В то же время “индекс оценки власти”, отражающий отношение граждан к политическому руководству, остается высоким (см. Рисунок 1).

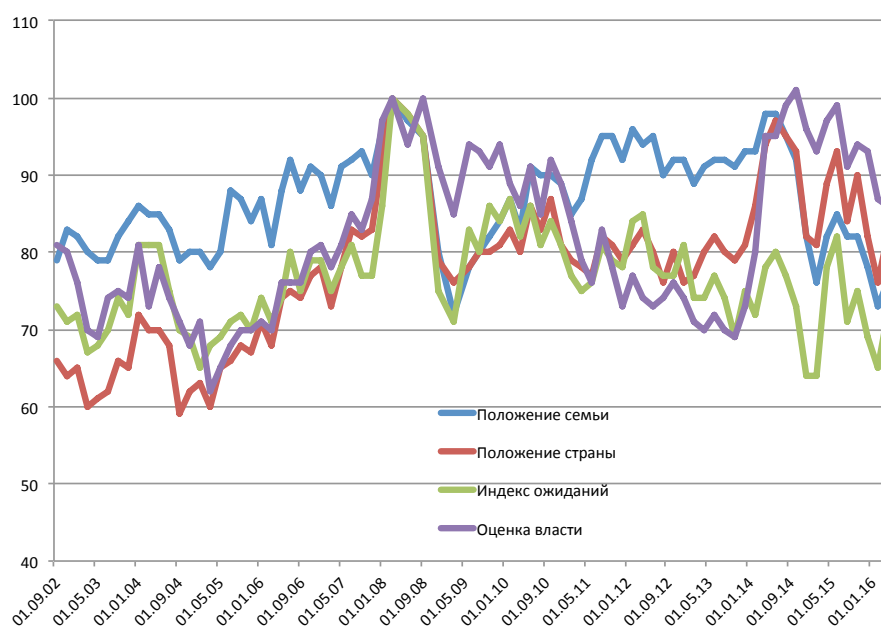

Рисунок 1. Индексы Левада-центра¹⁶

Эти данные отражают структуру общественных настроений относительно власти и экономики, которая идет вразрез с общепринятым представлением о социальных контрактах при авторитарном режиме. Когда авторитарные лидеры действительно популярны (как Путин сейчас или как был популярен Уго Чавес в Венесуэле), это обычно объясняют тем, что в представлении большинства лидер пра-

вит, руководствуясь интересами народа — через посредство либо макросоциального перераспределения, либо более точечного, но тем не менее повсеместного клиентелизма. Однако российские граждане полагают, что Путин не делает ни того, ни другого. С того времени, как в 2006 году Левада-центр начал проводить соответствующие опросы, подавляющее большинство респондентов раз за разом

утверждают, что ситуация с неравенством в стране при Путине стала хуже, а не лучше (см. Таблицу 1). С таким же постоянством менее четверти россиян полагают, что Путин правит в интересах среднего класса, и намно-

го меньше людей считают, что он правит в интересах всех граждан. Напротив, россияне гораздо более склонны верить, что Путин выражает интересы силовиков, олигархов, бюрократов и большого бизнеса (см. Таблицу 2).

Таблица 1. За годы правления Владимира Путина разрыв между богатыми и бедными в нашей стране увеличился, уменьшился или остался таким же, как в период правления Бориса Ельцина? (в % от числа опрошенных)¹⁷

	Март 2006	Март 2007	Март 2008	Июль 2009	Июль 2010	Май 2011	Май 2013	Сентябрь 2014	Сентябрь 2015
Вырос	64	65	53	48	67	73	68	68	69
Упал	11	9	13	15	11	10	9	11	9
Остался на прежнем уровне	21	22	27	31	18	15	16	17	19
Затрудняюсь ответить	4	4	7	6	4	3	7	4	3

Таблица 2. На Ваш взгляд, чьи интересы выражает Владимир Путин? (в % от числа опрошенных)¹⁸

	Октябрь 2000	Июль 2001	Июль 2003	Июль 2005	Сентябрь 2006	Август 2007	Октябрь 2010	Июль 2011	Июль 2012	Июль 2013	Август 2014	Август 2015
"Силовики"	54	43	51	51	24	39	34	33	43	41	39	42
Олигархи	24	15	27	25	23	18	26	29	39	35	30	31
Бюрократия	12	15	21	26	21	19	24	22	32	30	24	28
Крупный бизнес	16	16	21	23	12	13	18	22	26	23	19	24
Средний класс	10	16	19	23	24	31	27	25	21	24	22	23
Всех	5	7	7	6	10	12	8	12	11	12	14	16
Простые люди	13	15	15	18	18	24	20	19	14	11	13	14
Культурная и научная элита	4	8	9	11	7	10	10	9	10	9	10	13
"Семья" Бориса Ельцина	25	22	25	20	13	13	11	13	14	14	9	13
Интеллигенция	5	10	9	12	7	10	10	10	7	8	9	7
Затрудняюсь ответить	13	18	11	12	12	13	14	12	7	10	15	10

И все же россияне не склонны обвинять Путина в тех или иных неудачах. По данным опросов Левада-центра, проведенных в марте 2015-го (три месяца спустя после того, как рубль потерял более половины своей стоимости), число респондентов, выразивших положительное отношение к тому, как Путин управляет экономикой, было всего на 2% ниже, чем в октябре 2009-го (41% про-

тив 43%). Одобрение путинского управления экономикой и в тот, и в другой период было выше, чем в ноябре 2006 года, когда экономика на самом деле чувствовала себя лучше. Нельзя сказать, чтобы Путин много выиграл благодаря своим внешнеполитическим успехам. Опять же в марте 2015 года, год спустя после того, как Путин принял решение об аннексии Крыма, которое получило широкую

поддержку, одобрение его внешней политики осталось на уровне 69% — лишь немногим

больше 66%, которые он получил в октябре 2009-го (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Как Вам кажется, насколько хорошо Владимир Путин справляется с...? (в % от числа опрошенных)¹⁹

	С экономикой			С внешней политикой		
	Ноябрь 2006	Октябрь 2009	Март 2015	Ноябрь 2006	Октябрь 2009	Март 2015
1 (хуже всего)	5	4	7	4	2	2
2	12	12	15	5	5	6
3	40	36	34	21	22	18
4	29	31	30	39	41	37
5 (лучше всего)	8	12	11	25	25	32
Затрудняюсь ответить	5	5	3	7	7	4

Действительно, более тщательный анализ индексов Левада-центра показывает, что, несмотря на очевидное “голосование кошельком”, отношения между экономическими настроениями и политическим одобрением отнюдь не простые. Как видно из Модели 1 Таблицы 4, “индекс положения семьи” (опять же отражающий личные экономические ожидания) не коррелирует с “индексом оценки власти” (отражающим одобрение Путина и правительства в целом). “Индекс положения России” (отражающий социотропные экономические настроения) очень сильно коррелирует с политическим одобрением, равно как и направ-

ленный в будущее “индекс ожиданий” (Модели 2 и 3). Если же показатели объединить, семейный индекс начинает существенно коррелировать с индексом оценки власти — но эта корреляция отрицательная (Модели 4 и 5). Иными словами, социотропные настроения обуславливают одобрение режима в гораздо большей степени, когда российские граждане испытывают серьезную неудовлетворенность своими жизненными обстоятельствами, и наоборот: когда россияне настроены позитивно относительно собственной жизни, они, как представляется, в меньшей степени ощущают потребность опереться на власть.

Таблица 4. Индексы Левада-центра²⁰

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Индекс положения семьи	.119 (.177)	-.252* (.193)		-.513** (.103)	-.589** (.106)
Индекс ожиданий		.617** (.179)			.204** (.101)
Индекс положения страны			.781** (.074)	1.082** (.068)	1.000** (.071)
R-square	.014	.257	.610	.784	.806

* статистически значимы на уровне достоверности 0,05

** статистически значимы на уровне достоверности 0.005

В свою очередь, эти данные согласуются с наблюдениями российских социологов, которые в целом ряде работ отмечали растущую роль межличностных связей. Связи такого рода чаще всего существуют в узких, локальных границах, но активно разрастаются благодаря социальным сетям: но кроме того, российские авторы наблюдают крепнущее ощущение благополучия у тех, кто имеет наибольшее число таких межличностных связей. Так, российский политолог Екатерина Шульман пишет: “Люди, ощущающие себя частью социальной сети, считают, что могут обойтись и без государства, — у них растет чувство субъективного благополучия не потому, что ими хорошо руководят, а потому, что они становятся более уверенными в себе”²¹. Помимо этого, люди также укрепили свои жизненные позиции. По мнению российских экономических социологов, явление, которое Лев Гудков назвал “инерцией пассивной адаптации”²², похоже, уступает место более активной самодостаточности:

“Сегодня «самодостаточные» россияне — это не социальная периферия, не маргинальная прослойка, а существенная по объемам и растущая группа, выражающая собой тренд на формирование независимой и активистской доминанты в обществе. Доля россиян, принимающих ответственность за происходящее в жизни, уверенных в способности обеспечить себя и свою семью и не нуждающихся в поддержке государства, составляла на весну 2015 года 44% населения — при 34% в 2011 году”²³.

Не следует, однако, считать этот феномен — растущую автономию, индивидуализм и самодостаточность — целиком положительным (стоит отметить, что эти черты выполняли важнейшую роль действенных механизмов адаптации для “советских людей”, в период позднего СССР и в 1990-е годы). Отчуждение от официального государства имеет и свою негативную сторону, а именно: в то время как около 75% россиян заявили, что в последние годы их права нарушались тем или иным образом, только 39% сказали, что обращались за помощью в государственные институты,

в том числе в правоохранительные органы или к депутатам; меньше одного процента прибегали к помощи СМИ или общественных организаций, а 40% и вовсе не искали никакой помощи²⁴. Быть может, именно по этой причине россияне в массе своей решили не участвовать в парламентских выборах в сентябре 2016 года, позволив тем самым правящей партии “Единая Россия” получить самое значительное большинство голосов за всю историю своего существования при самой низкой явке избирателей за всю постсоветскую историю России²⁵.

Когда к 2012 году оказалось, что личная популярность Путина снижается (даже на фоне относительно благополучной экономической обстановки), поддержку граждан тем не менее удалось укрепить, увязав его имя с высшими ценностями — например, с любовью к родине и национальной культуре, которые чрезвычайно важны для большинства россиян²⁶. В ответ на протесты 2011–2012 годов, направленные против правящего режима, а также ввиду того, что экономика уже не в состоянии обеспечивать такой же общий рост благосостояния, как в первые десять лет правления Путина, Кремль избрал новый подход к публичной политике — откровенно конфронтационный, еще более жестко разделяющий общество на “своих” и “чужих” при помощи таких острых ценностных проблем, как религия, сексуальная ориентация и, в меньшей степени, этническая принадлежность²⁷. К этому добавился страх, вызванный агрессией в общественной сфере — которую активно раздували различные кремлевские приспешники, — и растущая угроза (а иногда и факты) насилия²⁸. Затем ко всему этому присоединилась гордость, когда возвращение Крыма и непреклонность Путина перед давлением Запада (и санкциями) вызвали эффект “сплочения под знаменем” (rally around the flag), который длится до сих пор²⁹. Получившаяся в результате смесь из политики идентичности, страха и политической мобилизации (все это вместе политический аналитик Кирилл Рогов назвал “крымским синдромом”) стала к лету 2016 года неотъемлемой частью российской политики³⁰.

Многие российские эксперты восприняли

подобную ситуацию как пересмотр негласных социальных контрактов 2000-х годов. Журналист Борис Грозовский писал:

“К весне 2014 года государство предложило в обмен на лояльность уже не рост благосостояния, а чувство — ощущение принадлежности к встающей с колен великой державе. Это очень сильная эмоция, и в ответ государство теперь требует от населения не только лояльности, но и готовности к самоограничению”³¹.

Отказавшись от права реально участвовать в политике, утверждал обозреватель газеты “Ведомости” Максим Трудолюбов, общество не обрело постоянное благополучие, а получило его взаймы от государства: “Теперь этот долг изымается государством”³².

Между тем тот факт, что пересмотр условий сделки внешне принят многими гражданами, вполне соответствует предшествующим моделям государственной мобилизации, пишет социолог Лев Гудков:

“События 2014–2015 годов — не первый случай массовой демонстрации солидарности с властью... Состоянию коллективного воодушевления и безудержного национального самовосхваления всякий раз предшествовала

фаза массовой дезориентированности, фрустраций, раздражения, иногда — острого страха. Наблюдаемые волны подъема и спада общественных настроений — это реакции общества на резкие изменения институциональной структуры государства”³³.

Однако консолидация политического ландшафта затронула не только режим как таковой. Хотя Кремлю удалось справиться с проблемой Болотной, она не перестала существовать. Даже после того как Кремль предложил новую, харизматичную, традиционалистскую основу своей легитимности — и таким образом сплотил вокруг себя большинство россиян, — данные онлайн и офлайн-активности свидетельствуют о том, что “Болотное движение” 2011–2012 годов продолжало расти как количественно, так и идеологически. В последующий период оно включило в себя антивоенное движение, возникшее в 2014 году; в 2015 его ряды пополнили те, кто был потрясен убийством Бориса Немцова; а кроме того, к нему присоединялись люди, привлеченные активностью своих друзей³⁴.

Согласно данным Центра социально-трудовых прав, в России стремительно выросло число трудовых конфликтов и в 2015 году количество трудовых протестов достигло рекордной величины (см. Рисунок 2).

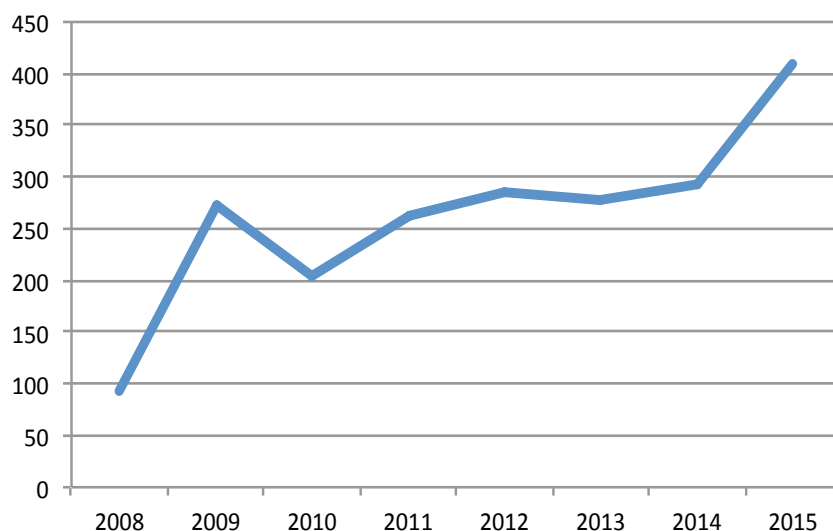

Рисунок 2. Трудовые протесты по годам³⁵

По мнению Стивена Кроули и Ирины Олимпиевой, социологов, занимающихся проблемами трудовых отношений, “совершенно очевидно, что рабочие реагируют на ухудшение экономических условий”, особенно на задолженность по зарплате, которая является причиной множества, если не подавляющего большинства, забастовок и прочих трудовых протестов³⁶. Мобилизация, вызванная проблемами в трудовых отношениях, по большей части происходит в региональных центрах и крупных городах и охватывает в первую очередь сферу промышленности и транспорта³⁷. Также возросла доля трудовых протестов, вылившихся в забастовки и стоп-акции, с 39% в 2014 году до 42% в 2016³⁸. Стоп-акции по большей части вызваны невыплатой зарплат или другими изменениями, связанными

с оплатой труда; другие факторы недовольства, такие как низкая зарплата, растущая стоимость жизни и плохие условия труда, как правило, не приводили к остановке работ в 2016 году³⁹.

Отмеченные тенденции согласуются с выводами авторов масштабного исследования проблем трудовой мобилизации и экономических протестов в России, охватывающего более длительный период наблюдений⁴⁰. К похожим выводам приводит и анализ событий, описанных на активистском сайте Activatica.org, который демонстрирует как рост общего уровня активности, так и увеличение доли активности, связанной с политическим и экономическим недовольством (хотя основной причиной являются проблемы окружающей среды) (см. Рисунок 3).

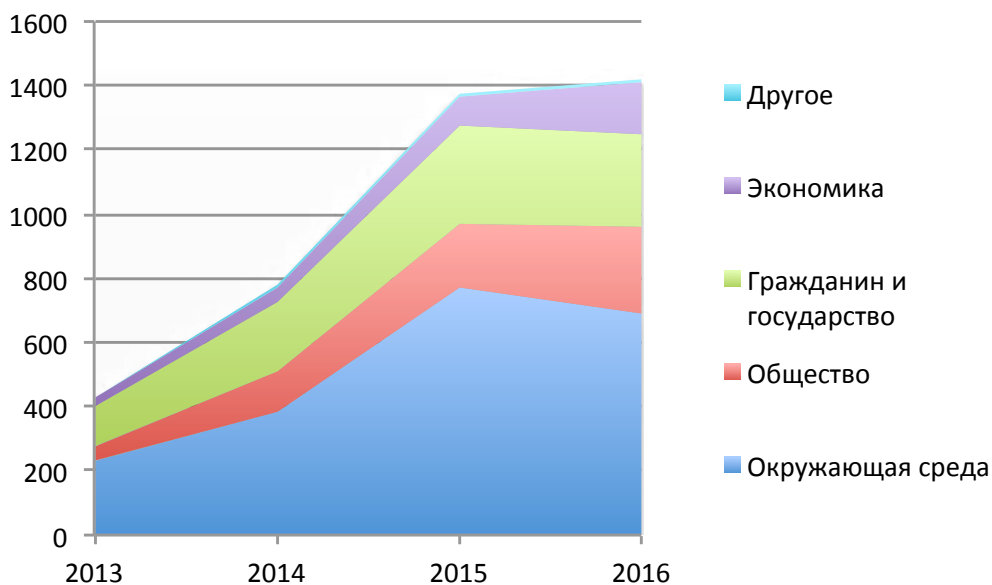

Рисунок 3. Тематика трудовых протестов⁴¹

Насколько можно судить по нашим наблюдениям, основной механизм, при помощи которого в России недовольство переходит в мобилизацию, не изменился: и сегодня, как и на протяжении первых двенадцати лет правления Путина, российские граждане сохраняют способность к целенаправленному сопротивлению в том случае, когда от государства исходит очевидная угроза их благосостоянию. Как и прежде, в российских условиях коллективная мобилизация более вероятна тогда, когда граждане сталкиваются с угрозами, которые затрагивают их непосредственно

и потенциально необратимы, а также когда с последствиями бездействия уже столкнулась определенная группа людей в то же время и в тех же обстоятельствах⁴². Тем не менее чтобы разглядеть, какие глубинные изменения могли иметь место, обратимся к некоторым характерным случаям и рассмотрим их повнимательнее.

Москвичи оберегают зеленые зоны своего города. В мегаполисе, где огромное скопление транспорта и который, кажется, с каждым днем становится все более населенным, от жителей естественно ожидать протестной

реакции, когда застройщики нацеливаются на их дворы, детские площадки или парки. Чаще всего такие протесты имеют локальный характер, длятся недолго и привлекают небольшое число участников⁴³. Но бывают исключения.

18 июня 2015 года рабочие огородили часть парка “Торфянка” на северо-востоке Москвы; как выяснилось, по плану городской администрации и Русской православной церкви в одном из уголков парка предполагается построить церковь, в рамках широкомасштабной инициативы РПЦ по сооружению десятков храмов по всей столице. В течение последующей недели местные жители начали протестовать. Прокремлевский лагерь не стал терять времени и сразу же отреагировал. 25 июня, через день после первого организованного протеста против строительства храма, на сайте Ridus.ru, который тесно связан с антимайдановским движением и прокремлевским объединением “Национально-освободительное движение” (НОД), появился длинный и подробный текст, в котором говорилось следующее:

“Против строительства выступает небескорыстная группа (городские сумасшедшие и искренние соседи ходят, конечно, бесплатно), состоящая из нескольких социальных групп: левые, “яблоky”, сатанисты-анархисты, ненавистники РПЦ в принципе, свободные граждане, которым продули мозг... Дворовый майдан в действии, и с искренними целями это сборище не имеет никакой связи”⁴⁴.

Это, конечно же, задало тон последовавшей борьбе. К 9 июля митинги уже собирали сотни, а затем и тысячи участников. Активистка Наталья Кутлунина выступила первой, назвав парк чем-то вроде второго дома для местных жителей, которые могут “выйти туда в тапочках и халатике”; депутата Мосгордумы от правящей партии “Единая Россия” освистали и не дали выступить со сцены⁴⁵.

На протяжении лета число протестующих росло, а сами протестные акции становились чаще, центром стал постоянный лагерь, блокировавший въезд на строительную площадку; в лагере к местным жителям присоеди-

единились представители левого движения и либеральной оппозиции, а также жители соседних районов, столкнувшиеся с подобной проблемой “вторжения” на их территорию. Блогер Максим Серов, придерживающийся левых взглядов, сформулировал суть борьбы в терминах, памятных ветеранам “Болотного движения”, когда либеральная оппозиция противостояла “патриотам” из “Антимайдана” и НОДа: “Мы или они! Жители своего города или воинствующие мракобесы!”⁴⁶.

Таким образом, система координат была обозначена. После того как обе стороны твердо закрепились на своих позициях, многие протестующие, очевидно, осознали, что дело, за которое они борются, больше масштабов парка. Они в каком-то смысле стали частью более широкого движения — борьбы с тем, что некоторые члены оппозиции считали ползучей клерикализацией российской жизни и политики. Этому способствовал и язык, который использовали сторонники церкви, и сообщества, которые они организовывали: в социальной сети “ВКонтакте” была создана страничка в поддержку строительства храма в “Торфянке”, на которой религиозная символика сопровождалась изображениями солдат и отсылками к теме патриотизма, в то время как НОД называл протесты угрозой российскому суверенитету⁴⁷. Конфликт растянулся до 2016 года; за это время к нему присоединилось движение “Русская весна”, поддерживающее мобилизацию русских в Восточной Украине и вокруг нее, с призывом устроить собственный митинг на Торфянке. Свою позицию они сформулировали еще более неприемлемо:

“Для нас в ситуации с Торфянкой очевидно одно: «наши» московские храмоборцы и киевские евромайдановцы — это одно и то же. Те же лица, те же методы, те же подходы, те же грантодатели... Они готовятся и тренируются в расчёте на «московский майдан» в 2016 году”⁴⁸.

Весьма схожим образом развивались события в совершенно другом протестном движении, организованном сетью независимых дальнобойщиков по всей стране.

Ежегодно в России грузовой автотранспорт перевозит около 5,4 млрд тонн грузов, что существенно превосходит объемы перевозок другими видами транспорта (если не брать в расчет транспортировку природных ресурсов). Однако большегрузам приходится ездить по дорогам, которые, как хорошо известно, находятся в плачевном состоянии, а строительство и содержание новых дорог обходится дорого, что тоже общеизвестно. В рамках данной статьи нет необходимости обсуждать, по каким именно причинам это происходит.

Чтобы покрыть расходы, российское правительство приняло решение взимать плату с собственников всех грузовых машин, грузоподъемность которых превышает 12 тонн, исходя из расчета 3,73 руб. за каждый пройденный километр⁴⁹. Это стало крайне неприятной новостью, особенно для частных владельцев грузовых автомобилей, которые составляют примерно половину сектора⁵⁰. Крупные логистические компании имели возможность переложить стоимость перевозок на своих клиентов (по большей части ретейлеров и дистрибьютеров), которые затем, в свою очередь, могли бы переложить ее на потребителей. Но частникам, чтобы оставаться конкурентоспособными, приходилось принять расходы на себя.

Заслышав гул протеста, правительство пошло на уступки: снизило тариф до 1,53 руб за километр на несколько месяцев, а затем продлило эту меру на неопределенный срок — и объявило мораторий на штрафы. Однако для протестующих проблема заключалась не только в размере штрафа — это было дело принципа. К тому же важен был тот факт, что главным бенефициаром стала компания под названием РГИТС, которая получила концессию на взимание нового налога, а также право оставлять себе половину собранных средств; владельцем этой компании является Игорь Ротенберг, сын Аркадия Ротенберга, близкого друга и соратника Владимира Путина. На одном из плакатов, популярных в ходе протестов, было изображено перечеркнутое число 3,73; на другом популярном плакате значилось “Ротенберги хуже, чем ИГИЛ”⁵¹ (ИГИЛ запрещена в России — Прим. ред.)

Но правительство на это никак не реагировало. Забастовка началась 21 ноября 2015 года, изначально в Дагестане; оттуда и из других концов страны колонны дальнбойщиков двинулись по направлению к Санкт-Петербургу и Москве⁵². В тот же день Евгений Федоров, депутат Госдумы и лидер НОДа, выступил с обращением к дальнбойщикам, которое начиналось следующим образом:

“Мы видим с вами, что Соединенные Штаты Америки не дремлют. И сейчас они через свою «пятую колонну», через национал-предателей нанесли очередной удар по Российской Федерации. Непосредственно я сейчас говорю об акциях дальнбойщиков, которые пытаются, по задумке Соединенных Штатов Америки, быть направлены на ликвидацию российской государственности”⁵³.

Четыре дня спустя оппозиционный лидер Алексей Навальный разместил свое видеообращение к дальнбойщикам на канале YouTube и на сайте возглавляемого им Фонда борьбы с коррупцией. Менее эмоционально и не прибегая к таким преувеличениям, которыми воспользовался Федоров, Навальный заявил, что в основе сложившейся ситуации лежит коррупция и что дальнбойщики и поддерживающие его самого активисты — невзирая на возможные различия в политических взглядах — должны, таким образом, объединиться ради общего дела⁵⁴.

Когда колонны дальнбойщиков приблизились к Москве, один из участников, 27-летний водитель-дальнбойщик по имени Владимир Георгиевич из Ленинградской области, рассказал свою историю изданию Colta.ru — интеллектуальному сайту, публикующему новости и мнения и пользующемуся популярностью среди оппозиционно настроенной интеллигенции. По существу, он говорил о том, что к протесту их подтолкнула не политика, а проблемы, которые затрагивают всех членов общества:

“Дальнбойщики — не про политику. Зачем это вообще нужно обычному труженнику?! Обычному труженнику надо работать, получать зарплату, кормить семью. Вот и все,

что нужно. Но если нас начинают конкретно загибать, мы должны смотреть на это? Мол, вот мы вам дарим деньги за то, чего нет и не будет. Не будет дорог. Сколько раз уже нас обманывали: обещали отменить транспортный налог, а в итоге не отменили. И как вот с этим [системой “Платон”] — раз обманули, два. Они думали, что все по-тихому снова пройдет, наверное”⁵⁵.

Но если Кремль не смог предсказать реакцию дальнбойщиков, то и дальнбойщики также не могли предвидеть, какой шаг предпримет правительство. Когда колонны большегрузов подъехали к Москве, телевидение и интернет захлестнул поток сообщений, в которых дальнбойщиков обвиняли в связях с Навальным, Вашингтоном и Евромайдамом. На самом деле в этом была доля правды: одним из координаторов протеста был Сергей Гуляев, активист из Санкт-Петербурга, который известен своим участием в петербургских протестах 2011–2012 годов против фальсификации на выборах⁵⁶. 3 декабря, когда большегрузы сомкнули свои ряды на подъездах к Москве и организовали акцию под названием “День улитки”, передвигаясь на минимальной скорости по МКАДу, Путин выступал с ежегодным посланием Федеральному Собранию; дальнбойщики не были упомянуты. В интервью независимому телеканалу “Дождь” один из представителей дальнбойщиков Надежда Куражковская пояснила:

“Президент наших ожиданий не оправдал. Мы ждали от него большего. Мы все-таки думали, что он встанет за свой народ, но этого не произошло. Мы будем продолжать бороться до последнего человека, можно так сказать”⁵⁷.

Однако реакция обычных москвичей оказалась более благожелательной. Вероятно, привыкнув к медленному движению в пробках, водители использовали социальные сети (и особенно мониторинги дорожного движения и приложения-навигаторы, которые позволяют водителям размещать сообщения о ситуации на дорогах), чтобы выразить дальнбойщикам свою поддержку и солидарность; одной из часто повторяемых фраз была: “На-

ционализировать дворцы Ротенбергов”⁵⁸.

Когда Путин сойдет со сцены, вполне возможно, что дворцы Ротенбергов — по крайней мере те, что находятся в России, — могут быть национализированы; если уж на то пошло, то в истории уже бывало, что при смене власти в авторитарном режиме — путем ли демократических выборов или каким-то иным образом — преемник начинает преследовать ближайшее окружение своего предшественника. Но следует ли ожидать, что какой-либо из этих факторов — если Путин уйдет или если его элита лишится своих привилегий — повлечет за собой существенные изменения?

С точки зрения социально-политической мобилизации, уход Путина, когда он произойдет, будет важным событием. Мобилизация происходит в результате сочетания двух феноменов — острой потребности в исправлении несправедливости и наличия субъекта, на которого можно возложить вину за то, что она продолжает совершаться. Уход диктатора открывает активистским организациям новые возможности для прямого политического участия, что снижает потребность в уличных протестах. Уход Путина также заставит активистов заняться поисками новых объектов для обвинения: когда выяснится, что с переходом власти к преемнику проблемы сохраняются, возложение вины на Путина перестанет быть эффективной стратегией мобилизации.

Ужесточение политики во время третьего срока Путина — противопоставление “двух лагерей” внутри российского общества и углубление противоречий между ними, обострение политических и идейных разногласий, возрастающая роль страха и силового принуждения — все это способствовало консолидации как самого режима, так и его оппонентов. Безусловно, такой результат был неизбежен: гражданское общество, понимаемое как мобилизационный ответ граждан на вторжение государства в их личную или общественную жизнь, становится отражением характера самого государства. Таким образом, гражданское общество консолидируется в той мере, в какой оно ощущает на себе воздействие противоположной стороны. Путинская мобилизация под предводительством государства привлекла в свой лагерь новые

группы населения, прежде занимавшие мягкую центристскую позицию в российской политике, успешно предотвратив их уход в оппозицию. Но одновременно какие-то группы оказались вытеснены в противоположном направлении. Не то чтобы это было совсем новым явлением, но сила и скорость этих процессов позволяет утверждать, что на сегодняшний день российская политика коренным образом отличается от прежней.

Когда Путин покинет свой пост, воздействие режима на какое-то время станет менее ощутимым. Определенные ожидания, сформировавшиеся за последние несколько лет, будут разрушены, поскольку действующие лица и с той, и с другой стороны начнут заново распределять роли и формировать новые договоренности. Линии, разделяющие общество, вновь окажутся размытыми, и россияне, сегодня находящиеся на противоположных политических полюсах, вновь сдвинутся к середине. Таким образом, трудно переоценить то влияние, которое окажет уход Путина на российское гражданское общество: он принципиально изменит политический ландшафт.

Но во всех других отношениях уход Путина изменит очень немного. Его ухода недостаточно для того, чтобы изменилась глубинная природа взаимоотношений россиян с государством — их готовность восприни-

мать его одновременно как не выполняющее свои функции и вместе с тем легитимное; несправедливое, но важное и необходимое. Примечательно, что ни одно из мобилизационных усилий, описанных выше (и, на самом деле, ни одно из мобилизационных усилий, описанных в любом другом исследовании российского общества, которые здесь цитируются), не может быть в полной мере названо активной инициативой. Справедливости ради надо признать, что мобилизация, как правило, имеет реактивный характер, не в последнюю очередь из-за того, что большинство людей живет в своем частном пространстве и решается выходить в общественную сферу только тогда, когда их провоцируют. Но тем не менее отсутствие проактивной общественной мобилизации, характерное для России, наблюдается далеко не везде. Вопрос не в том, способно ли гражданское общество в России оказать существенное влияние. Способно. Оно противостоит государству, дает ему отпор, задерживает или останавливает его наступление, иногда добивается того, чтобы государство пошло на попятную, в то же время активизируя и объединяя сообщества, созданные на основе общих интересов или общей идеологии. Вопрос в том, готово ли гражданское общество поверить в то, что само государство способно измениться?

Примечания

- 1 Оригинал статьи Грина см.: GREENE S. A. *From Boom to Bust: Hardship, Mobilization & Russia's Social Contract* // Daedalus. Spring 2017. Vol. 146, Issue 2. P.113–127. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/DAED_a_00439 (доступ 06.11.2017).
- 2 См.: TREISMAN D. *Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin* // American Journal of Political Science. 2011. Vol. 55 (3). P. 590–609; Гудков Л. *Инерция насильственной адаптации* // Pro et Contra. 2011. № 15 (1-2). С. 20–42; а также: GREENE S. A. *Citizenship and the Social Contract in Post-Soviet Russia* // Demokratizatsiya. 2012. No. 20 (2). P. 133–140.
- 3 GREENE S. A. *Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia*. Palo Alto, Calif.: Stanford University Press, 2014.
- 4 BURAWOY M., КРОТОВ П., ЛУТКИНА Т. *Involution and Destitution in Capitalist Russia* // Ethnography. 2000. No. 1 (1). P. 43–65.
- 5 *Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году* // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9056bb04-390c-47f9-b47f-8e3b061bc7b8/monitor1-12.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9056bb04-390c-47f9-b47f-8e3b061bc7b8> (доступ 10.02.2017).
- 6 *Russia Economic Report No. 35: The Long Journey to Recovery* // The World Bank. Washington, D.C.: World Bank, 2016. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/657991467989516696/pdf/104825-NWP-P156290-PUBLIC-WB-RER-No-35-FINAL-ENG.pdf> (доступ 05.09.2017).
- 7 Кувшинова О., Кравченко Е. *Россия входит в новое социально-экономическое состояние* // Ведомости. 2016. 18 мая. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/05/18/641504-rossiya-vhodit> (доступ 05.09.2017).
- 8 ЗАВЕЛИНА Н. *Население беднеет быстрее, чем ожидалось* // Независимая газета. 2015. 8 сентября. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-09-08/1_poverty.html (доступ 05.09.2017).

- 9 *Mortgage Loans to be More than Halved in 2015 Official* // The Moscow Times. 2015. August 24th. URL: <http://www.themoscowtimes.com/business/article/mortgage-loans-to-be-more-than-halved-in-2015-official/528575.html> (доступ 06.09.2017); а также: *41% Drop in Russian Car Loans in 2015* // The Moscow Times. 2016. January 27th. URL: <http://www.themoscowtimes.com/business/article/41-drop-in-russian-car-loans-in-2015/557104.html> (доступ 06.09.2017).
- 10 Personal Debt in Russia Up 30% in 2015 // The Moscow Times. 2016. February 8th. URL: <http://www.themoscowtimes.com/business/article/personal-debt-in-russia-up-30-in-2015/559024.html> (доступ 05.09.2017).
- 11 ПЕТРОВА Н. *Бомба с долговым механизмом* // Коммерсантъ. 2016. 15 февраля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2906672> (доступ 05.09.2017); а также: КАЛЮКОВ Е., ШАРОРОЯН С. *Валютные ипотечники записали видеообращение к Путину* // РБК. 2016. 8 апреля. URL: <http://www.rbc.ru/finances/08/04/2016/5707b9089a79472505c4eec2> (доступ 05.09.2017).
- 12 ТИХОНОВА Н. *Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян* // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 16–27.
- 13 Там же.
- 14 Покупки и сбережения. Пресс-выпуск № 3224. // ВЦИОМ. 2016. Октябрь. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115913> (доступ 05.09.2017).
- 15 *Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2017 год и период 2018 и 2019 годов* // Центральный банк Российской Федерации. URL: [http://cbr.ru/publ/ondkp/on_2017\(2018-2019\).pdf](http://cbr.ru/publ/ondkp/on_2017(2018-2019).pdf) (доступ 05.09.2017).
- 16 Источник: Данные, сформированные автором на основании вопросов и регулярных опросов общественного мнения, опубликованных Левада-центром.
- 17 Источник: Левада-центр.
- 18 Источник: Левада-центр.
- 19 Источник: Левада-центр.
- 20 Источник: Левада-центр.
- 21 ШУЛЬМАН Е. *Люди становятся ближе* // Ведомости. 2015. 16 июня. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/16/596463-lyudi-stanovyatsya-blizhe> (доступ 05.09.2017).
- 22 Гудков Л. *Цит. соч.*
- 23 ГОРШКОВ М., СЕДОВА Н. *Самодостаточные россияне и их жизненные приоритеты* // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16.
- 24 ВОЛКОВ Д., ГОНЧАРОВ С. *Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем*. М.: Левада Центр, 2014. URL: http://www.levada.ru/old/sites/default/files/potencial_grazhdanskogo_uchastiya_0.pdf (доступ 05.09.2017).
- 25 REUTER O. J. *2016 State Duma Elections: United Russia after 15 Years* // Russian Analytical Digest. №189. 2016. September 29th. URL: <http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD189.pdf> (доступ 05.09.2017).
- 26 SMYTH R. *The Putin Factor: Personalism, Protest, and Regime Stability in Russia* // Politics and Policy. 2014. № 42 (4). P. 567–592.
- 27 GREENE S. A. *The End of Ambiguity in Russia* // Current History. 2015. № 114 (774), October. P. 251–258; а также: SMYTH R., SOBOLEVA I. *Looking Beyond the Economy: Pussy Riot and the Kremlin's Voting Coalition* // Post-Soviet Affairs. 2014. № 30 (4). P. 257–275.
- 28 ГЕЛЬМАН В. *Политика страха: как российский режим противостоит своим противникам* // Контрапункт. 2015. №1. URL: http://www.counter-point.org/wp-content/uploads/2015/08/gelman_counterpoint1.pdf (доступ 05.09.2017).
- 29 GREENE S., ROBERTSON G. *Explaining Putin's Popularity: Rallying Round the Russian Flag* // The Washington Post. 2014. September 9th. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2014/09/09/explaining-putins-popularity-rallying-round-the-russian-flag/> (доступ 05.09.2017).
- 30 РОГОВ К. *Крымский синдром: механизмы авторитарной мобилизации* // Контрапункт. 2015. № 1. URL: http://www.counter-point.org/wp-content/uploads/2015/09/rogov_counterpoint1.pdf (доступ 05.09.2017).
- 31 ГРОЗОВСКИЙ Б. *Дряхлеющий общественный договор* // Ведомости. 2016, 17 января. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/18/624311-dryahleyuschii-obschestvennii-dogovor> (доступ 05.09.2017).
- 32 ТРУДОЛЮБОВ М. *Нулевая сумма* // Ведомости. 2016, 27 мая. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2016/05/27/642639-nulevaya-summa> (доступ 05.09.2017).
- 33 ГУДКОВ Л. *Механизмы кризисной консолидации* // Контрапункт. 2016. № 5. URL: http://www.counter-point.org/wp-content/uploads/2016/09/gudkov_counterpoint5.pdf (доступ 05.09.2017).
- 34 ГРИН С., РОБЕРТСОН Г. *Способность к протесту сохраняется* // Контрапункт. 2016. № 3. URL: http://www.counter-point.org/wp-content/uploads/2016/04/greene_robertson_counterpoint3.pdf (доступ 05.09.2017).
- 35 *Трудовые протесты в России в 2008–2015 годах* // Центр социально-трудовых прав. 2016. 15 февраля. URL: <http://trudprava.ru/expert/analytcs/protestanalyt/1588> (доступ 05.09.2017).
- 36 CROWLEY S., OLIMPIEVA I. *Russian Labor Protest in Challenging Economic Times* // Russian Analytical Digest. 2016. April 20th. № 182.
- 37 *Трудовые протесты в России в 2008–2015 годах...*
- 38 *Трудовые протесты в России в первой половине 2016 года* // Центр социально-трудовых прав. 2016. 25 августа. URL: <http://trudprava.ru/expert/analytcs/protestanalyt/1712> (доступ 05.09.2017).
- 39 Там же.
- 40 LANKINA T., VOZNAJA A. *New Data on Protest Trends in Russia's Regions* // Europe-Asia Studies. 2015. № 67 (2). P. 327–342. 41 Источник: Подсчеты автора, использующие материалы базы данных Activatica. См. URL: <http://activatica.org/>
- 42 Более глубокий анализ этого тезиса см. в работе: GREENE S. A. *Moscow in Movement...*
- 43 Краткий отчет об активных протестах по защите природы и озелененных территорий см. в базе данных сайта Activatica URL: <http://activatica.org/?category%5B%5D=79&category%5B%5D=61&category%5B%5D=65&category%5B%5D=80&category%5B%5D=81> (доступ 05.09.2017).
- 44 МАЛОСОЛОВ А. *Столичный парк Торфянка: майдан в вашем дворе* // Ridus. 2015. 25 июня. URL: <https://www.ridus.ru/news/189337.html> (доступ 05.09.2017). ё
- 45 РУВЦОВ К. *В московском парке “Торфянка” началась акция против строительства храма* // Новая газета. 2015. 9 июля. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1695088.html> (доступ 05.09.2017).
- 46 СЕРОВ М. *Мы за парк! — противостояние в “Торфянке” продолжается* // POT Фронт. 2015. 11 июля. URL: <http://tr.rkrp-rpk.ru/get.php?5807> (доступ 05.09.2017).
- 47 *За парк Торфянка с храмом* // Сообщество ВКонтакте. URL: http://vk.com/za_park_s_hramom (доступ 16.05.2016); а также: НИКИТИН Ю. *Противостояние в Торфянке. Андрей Коваленко на встрече координационного совета блогеров “Суверенитет России” 14.07.15* // Национально-освободительное движение. 2015 года. 17 июля. URL: http://rusnod.ru/video/konferentsii-nod/2015/07/17/konferentsii-nod_4962.html (доступ 16.05.2016).

- 48 “Стояние на Торфянке” — православные против Майдана в России // Русская весна. URL: <http://rusvesna.su/news/1452907586> (доступ 05.09.2017).
- 49 Стгулов М. Как работает система “Платон” // Ведомости. 2015. 24 ноября. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/galleries/2015/11/23/617977-kak-rabotaet-platon> (доступ 05.09.2017).
- 50 ШВАГЕРУС С. Саморегулирование в автотранспортной деятельности // Ассоциация “Царицын”. 2008. 20 мая. URL: http://odp34.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=101&Itemid=65 (доступ 05.09.2017).
- 51 ИДРИСОВА Б. Дагестанские дальнобойщики: “Ротенберги хуже, чем ИГИЛ!” // Черновик. 2015. 21 ноября. URL: <http://chernovik.net/content/lenta-novostey/dagestanskie-dalnoboyschiki-rotenbergi-huzhe-chem-igil> (доступ 05.09.2017).
- 52 КАЧАБЕКОВА Ф. Этот “Платон” — натуральный “лохотрон” // Кавполит. 2015. 21 ноября. URL: http://kavpolit.com/articles/etot_platon_naturalnyj_lohotron-21522/ (доступ 05.09.2017).
- 53 ФЕДОРОВ Е. Обращение депутата Госдумы Евгения Федорова к дальнобойщикам // Эхо Москвы. 2015. 21 ноября. URL: http://echo.msk.ru/blog/day_video/1662608-echo/ (доступ 05.09.2017).
- 54 НАВАЛЬНЫЙ А. Видеообращение к дальнобойщиками // Фонд борьбы с коррупцией. 2015. 25 ноября. URL: <https://fbk.info/blog/post/124/> (доступ 05.09.2017).
- 55 ОВЧИННИКОВ Н. Живу в этой маленькой будке, как собака // Colta.ru. 2015. 27 ноября. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/9391> (доступ 05.09.2017).
- 56 “Координатор дальнобойщиков”, он же провокатор-майдун, друг Навального и кандидат от ПАРНАСа // Politikus. 2015. 28 ноября. URL: <http://politikus.ru/v-rossii/64193-koordinator-dalnoboyschikov-on-zhe-provokator-maydaun-drug-navalnogo-i-kandidat-ot-parnasa.html> (доступ 05.09.2017).
- 57 Дальнобойщики: “Мы хохотали над обращением президента” // Дождь. 2015. 4 декабря. URL: https://tvrain.ru/teleshov/vechernee_shou/dalnobojschiki_my_hohotali_nad_obrascheniem_prezidenta-399492/ (доступ 05.09.2017).
- 58 “Майдан” дальнобойщиков в Москве: реакция москвичей // Русский Монитор. 2015. 4 декабря. URL: <http://rusmonitor.com/majdan-dalnobojschikov-v-moskve-reakciya-moskvichej.html> (доступ 05.09.2017).